

ПОЛИТИКА «ОЧИЩЕНИЯ» ХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА В НЕЗАВИСИМОМ ГОСУДАРСТВЕ ХОРВАТИЯ В НАЧАЛЕ 1940-х ГОДОВ: ИСТОКИ, ФОРМЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

© 2020 г. М.В. Кирчанов

Д-р ист. наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

В статье анализируются основные формы (законы, реформа правописания, пуризм) лингвистической политики, а также точка зрения интеллектуального сообщества первой половины 1940-х годов на развитие хорватского языка в НГХ.

The article analyses main forms (grammar rules, the reform of orthography, purism) of linguistic policy and the attitude of the intellectual community to the development of the Croat language in the Independent State of Croatia in the first half of the 1940s.

Ключевые слова: НХГ, языковая политика, пуризм, хорватский национализм, интеллектуальное сообщество, ответственность интеллектуалов.

Keywords: Independent State of Croatia, language policy, purism, Croatian nationalism, intellectual community, responsibility of intellectuals.

DOI: 10.31857/S0869544X0009735-1

Среди наиболее динамично развивающихся направлений в современном славяноведении выделяются исследования славянских языков, их положение в авторитарных недемократических режимах, что создает условия для междисциплинарного синтеза, позволяя интегрировать достижения как филологии, так и истории. Проблемы исторического развития ряда славянских языков детально описаны в историографии, но часть их пребывает в тени других сюжетов, которые привлекают больше внимания со стороны историков. Вопросы истории хорватского языка в Независимом государстве Хорватия (НГХ), а также языковой политики, которую проводили власти этого политического образования в первой половине 1940-х годов, как и сама хорватская государственность исследуемого периода — тема малоизученная в современном российском славяноведении. Число исследований первой половины 1990-х годов, в российской исторической кроатистике невелико [1–2]. Проблемами истории хорватского языка в НГХ занимаются преимущественно хорватские историки [3–4], диапазон мнений которых варьируется от традиционной позитивистской историографии, склонной писать историю в событийной системе координат до немногочисленных попыток описания истории хорватского языка в НГХ

в категориях интеллектуальной истории и истории идей. Оригинальные работы отечественных историков, сфокусированные на частных аспектах истории хорватского языка в НГХ в целом или на отдельных аспектах его функционирования в частности в современной российской историографии фактически отсутствуют.

Исходя из подобной историографической ситуации, целью статьи является анализ языковой политики в отношении хорватского языка в НГХ. Поэтому, в число задач автора входит анализ того, как и при помощи каких тактик и стратегий хорватские интеллектуалы в начале 1940-х годов на страницах периодических изданий («Narodne novine», «Spremnost», «Hrvatski narod», «Književni tjednik», «Nova Hrvatska», «Novi list») «воображали» и «изобретали»¹ такие образы хорватского языка, которые вписывались бы в идеологический канон национализма и языкового пуризма² как его частного проявления в Хорватии в первой половине 1940-х годов *не в контекстах филологии, но в рамках интеллектуальной истории* хорватской государственности изучаемого периода.

Специфика как объекта, так и предмета этой статьи определяют и методологические принципы, используемые в ней. Поэтому необходимо обратиться не только к лингвистическим методам, но и к принципам, предложенным в рамках инвентнистского поворота в историографии [5–6] и достижениям интеллектуальной истории [7–9], которые могут быть более продуктивны для изучения истории как хорватского языка, так и языковой политики в авторитарном обществе, чем методы традиционной позитивистской историографии.

К 10 апреля 1941 г., моменту провозглашения НГХ, хорватские интеллектуалы имели значительный опыт как развития хорватского языка [10], так и языкового национализма благодаря некоторым событиям предшествующего периода, включая: 1) принятие идей сербского ученого Вука Караджича о необходимости языковой унификации (1836); 2) Венское соглашение (1850) между хорватами и сербами о развитии языка; 3) деятельность ряда интеллектуалов, среди которых Адольфо Вебер Ткалчевич (Adolfo Veber Tkalčević, 1825–1889 [11]), Богослав Шулек (Bogoslav Šulek, 1816–1895 [12]), Вьекослав Бабукич (Vjekoslav Babukić, 1812–1875 [13]), Антун Мажуранич (Antun Mažuranić, 1805–1888 [14]), внесшие значительный вклад в унификацию хорватского языка и к наследию которых периодически апеллировали филологи НГХ [15]; 4) создание Хорватской бановины как формы автономии, что позволило существенно повысить статус хорватского языка, отменив «общее» хорватско-сербское правописание в пользу так называемого правописания Боранича (Boranićev pravopis), начать издание специализированного журнала «Hrvatski

¹ Используя эти формулировки, я признаю определенную маргинальность текста статьи в сравнении с другими отечественными исследованиями по истории НГХ, написанными в рамках традиционной (нео)позитивистской, событийной парадигмы. Поэтому история языковой политики в период существования НГХ воспринимается мною не как часть событийного исторического процесса, но в контексте интеллектуальной истории, предполагающей восприятие интеллектуалов в качестве создателей идентичностей, наделяя их необходимыми изобретенными/изобретаемыми традициями [5–6], необходимыми для функционирования и воспроизводства нации как воображаемого сообщества – в рамках подобной методологической системы координат деятельность хорватских интеллектуалов, анализируемая в этой статье, может восприниматься как часть тех культурных практик, которые направлены на укрепление хорватской идентичности, этничности и языка как «изобретенных традиций» и консолидацию хорватской нации как «воображаемого сообщества».

² Термин «пуризм» традиционно используется в лингвистической литературе для описания чрезвычайно завышенного стремления к чистоте того или иного языка, а также очищения его от иноязычных заимствований. В отношении языковой политики НГХ в начале 1940-х годов использование дефиниции «пуризм» может показаться несколько искусственным. С формальной точки зрения языковые практики хорватских интеллектуалов в изучаемый период могут быть определены как попытки очищения языка. Тем не менее, я полагаю более корректным применение термина «пуризм».

jezik» и издать книгу Петара Губерины и Круна Крстича [16–17] «Razlike između hrvatskoga i srpskoga književnog jezika» [18], которая отстаивала независимый статус хорватского языка.

В целом, к началу 1940-х годов³ хорватские националисты получили значительный опыт использования языка как политического ресурса. Поэтому создание бановины рассматривалось как шаг к полной государственной независимости, а усилия лингвистов начала 1940-х годов воспринимались как часть культурных и интеллектуальных практик, направленных на ее легитимацию. В целом, этот опыт сочетания национализма и лингвистических штудий предопределил основные векторы и направления развития языковой политики в отношении хорватского языка в НГХ.

Если до провозглашения по инициативе лидеров усташей хорватской государственности основными участниками, заинтересованными в процессе развития хорватского языка были филологи школьные учителя, то после 1941 г. ситуация изменилась. НГХ поставило развитие и функционирование хорватского языка под государственный контроль. В деле проведения языковой политики с властями сотрудничали некоторые хорватские интеллектуалы, и внесли весомый вклад в развитие хорватского языка в НГХ. Среди них следует назвать таких лингвистов, как Блаж Юришич⁴, Мариан Стойкович⁵, Стjepан Павичич⁶, Людевит Йонке⁷, Адольф Братолуб Клаич⁸ [19].

³ Существование и развитие сербского и хорватского языков в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года — Королевство Югославия) было подчинено политической доктрине югославизма (югословенство), ставшей идеологической основой политики, направленной на консолидацию государства. Идеологи и сторонники режима настаивали на существование единого сербохорватского или хорватосербского языка, в ряде случаев определяемого как югославский и воспринимавшегося как основа югославской общности. Примечательно, что среди идеологов югославизма оказался и этнический хорват Фердо Шишич — автор книги «Југословенска мисао. Историја идеје југословенског народног уједињења и ослобођења» (Београд, 1938), которая популяризовала идею сербо-хорватской политической, этнической и языковой консолидации, что фактически противоречило идеям хорватского национализма. Фактически в стране сосуществовали две нормы: хорватская (использующая латинский алфавит) и сербская, одновременно применяющая и кириллицу и латиницу. Рост хорватского национализма протекал параллельно с требованиями признания независимого статуса хорватского языка, что было достигнуто в 1939 г. с созданием Хорватской бановины, где хорватскому языку был придан официальный статус. Таким образом, на протяжении 1919–1939 гг. сербская и хорватская нормы развивались параллельно, а кризис модели, предлагаемой в рамках югославизма, начало Второй мировой войны, немецкая и итальянская оккупация, создание НГХ — стали теми факторами, которые положили начало процессу расхождения между сербским и хорватским языками, хотя в Югославии, восстановленной после Второй мировой войны, предпринимались попытки языкового сближения хорватского и сербского языков через продвижение концепции существования единого сербохорватского / хорватосербского языка.

⁴ Блаж Юришич (Blaž Jurišić, 1891–1974) — хорватский лингвист и диалектолог, автор первого диалектологического словаря хорватского языка. В 1941 г. стал первым директором Хорватского государственного управления языка, а с 1950 г. — сотрудник Института языка югославской Академии наук и искусств.

⁵ Мариан Стойкович (Marijan Stojković, 1979–1965) — хорватский лингвист, доктор философии (1903). До 1944 г. сотрудничал с властями НДХ, консультируя Хорватское государственное управление языка. С 1944 г. — на пенсии.

⁶ Стjepан Павичич (Stjepan Pavičić, 1887–1973) — хорватский лингвист и этнограф. Сотрудничал как с властями НДХ (Хорватское государственное управление языка), так и СФРЮ (редакции Югославской и Хорватской энциклопедий)

⁷ Людевит Йонке (Ljudevit Jonke, 1907–1979) — хорватский лингвист и переводчик. С 1950 по 1973 г. возглавлял кафедру хорватского языка в Загребском университете. Популяризатор чешского языка и литературы в Хорватии. В 1954 г. поддержал Новисадское соглашение, но в 1960-е годы выступал с его критикой, отзывав в 1971 г. свою подпись. В 1967 г. поддержал Декларацию о названии и статусе хорватского языка. С 1965 по 1971 г. — директор Института хорватского языка. В 1973 г. принудительно отправлен на пенсию.

⁸ Адольф Братолуб Клаич (Adolf Bratoljub Klaić, 1909–1983) — хорватский лингвист, доктор филологии (1941). С 1941 по 1945 г. — сотрудник государственных органов НДХ, занимавшихся языковой

Основным участником языковой политики, которая включала вопросы стандартизации, языкового регулирования и пуризма, стало новое специально созданное (28 апреля 1941 года) учреждение — Хорватское государственное управление языка (*Hrvatski državni ured za jezik* [20. S. 1]). Основным документом языковой политики периода НГХ стало «Правовое положение о хорватском языке, его чистоте и правописании» («*Zakonska odredba o hrvatskom jeziku, o njegovoj čistoći i o pravopisu*» [21. S. 1]), определявшее как основы правописания, так и функционирования языка в общественно-политической жизни. Примечательно, что большинство филологов лояльных режиму встретили эти инициативы положительно, определив соответствующие законы как проявления «защиты хорватского языка» [22. S. 12] со стороны властей. Несколько периодических изданий в НГХ были призваны публиковать решения властей относительно вопросов развития хорватского языка. Если «*Hrvatski jezik*» оставался преимущественно академическим изданием, то несколько газет, включая «*Alma mater croatica*», «*Hrvatski narod*», «*Nova Hrvatska*» и «*Novi list*», публиковали решения относительно лексических новаций, инициированных Хорватским государственным управлением языка.

Что касается политики в области хорватского языка в период между 1941 и 1945 гг., то она, с одной стороны, включала: 1) законодательное регулирование через издание законов, запрещавших использование кириллицы [23. S. 1], предусматривавших борьбу с неграмотностью [24. S. 1], предписывающих соблюдать «чистоту языка» [25] и использование так называемого корневого правописания (*koriensko pisanje* [26. S. 6–7; 27. S. 1]), которые легли в основу языковой политики в НГХ, хотя последняя зависела и от других законодательных актов, принятых в 1941 г., включая «Законное положение о присяге на верность Государству Хорватия» (10 апреля), «Законное положение о защите народа и государства» (17 апреля), «Законное положение о сохранении хорватского народного имущества» (18 апреля); «Решение о переименовании улиц, которые не имеют ничего общего с хорватской городской культурной средой и хорватским народом» (19 апреля)⁹, которые формально к хорватскому языку не относились, но в целом вписывались в ту политическую линию, которой придерживались новые политические элиты; 2) изменение правописания [28. S. 1–2; 29. S. 7] и его фиксация как новой нормы в словарях [30. S. 9; 32]; 3) вытеснение из хорватского языка сербизмов и интернационализмов [33] на уровне общественно-политической лексики и названия населенных пунктов; 4) изобретение новых слов от славянских в целом или хорватских корней в частности; 5) популяризация нововведений, известная как «*jezična promičba*» («языковая пропаганда») или «*jezični savjeti*» («языковые советы» [34]), при помощи газет подконтрольных властям. С другой стороны, языковая политика проявлялась и в регулярной дискуссии или дебатах (если этот термин применим к недемократическому НГХ) между хорватскими интеллектуалами относительно направлений и перспектив развития хорватского языка. Меры, предпринимаемые в области развития и функционирования языка, в определенной степени соотносились с политикой НДХ и в других областях, включая: 1) институционализацию авторитарного политического режима; 2) ограничение прав

политикой. Один из авторов орфографической нормы, принятой в НДХ. С 1950 г. — профессор хорватского языка в Академии театра и киноискусства. Переводчик древнегреческой и древнеримской литературы.

⁹ Большинство этих актов опубликовано на протяжении 1941–1942 гг. («*Zbornik zakona i naredba NDH*». Zagreb: Glavno ravnateljstvo za promičbu, 1942), что превращает их в ценный источник по, к сожалению, отсутствующей в отечественной историографии правовой истории Хорватии.

и свобод, введение и постоянное ужесточение цензуры; 3) преследование политических противников как среди хорватских политиков, так и представителей других групп; 4) создание и развитие аппарата политического контроля и государственного насилия, представленного системой концентрационных лагерей, что позволяло совершать акты как индивидуального, так и массового насилия в отношении сербского и еврейского населения¹⁰.

В рамках лингвистических дебатов хорватские филологи (если они, конечно, содержали элемент дискуссий) особое внимание уделяли доказательству и обоснованию центральной роли языка в развитии и сохранении хорватской идентичности, периодически декларируя необходимость борьбы за «красоту и чистоту хорватского языка» [35]. Это положение содействовало мифологизации его истории и определяло ее преимущественно этноцентричный характер, что позволяло лингвистам НГХ искусственно навязывать современную им хорватскую идентичность раннесредневековым славянам, которые автоматически определялись как хорваты, а их язык как хорватский.

В частности, Петар Грегц в 1944 г. констатировал, что «наши прадеды и деды сберегали хорватский язык как выражение и ядро хорватской самобытной культуры, понимая, что без него они потеряют право иметь свою родину, честь и быть уважаемыми соседями» [36. S. 4–5]. С незначительными вариациями эта идеологическая формула воспроизводилась в официальных изданиях НГХ вплоть до его падения [37], а лояльные режиму филологи настаивали, что «хорватский язык является святыней хорватского народа. Язык — это зеркало и самое честное выражение души нашего народа» [38. S. 9]. Именно склонность описывать хорватский язык как основу идентичности в ее этническом понимании и предопределило радикальные попытки со стороны хорватских интеллектуалов провести четкие разделительные линии между сербским и хорватским национальными и политическими проектами.

Поэтому, особое место в лингвистическом дискурсе периода НГХ уделялось разграничению хорватского и сербского языков, а также связанных с ними литературных традиций, которые воспринимались как радикально отличные друг от друга по языку и содержанию [38. S. 9]. Хорватские филологи не только настаивали на независимом статусе двух языков, но и активно продвигали сам концепт «*hrvatski jezik*» как основу идентичности. Блаж Юришич, например, в 1941 г. констатировал, что «совсем неоправданно называть язык хорватов сербским или сербско-хорватским [...], хорватский язык — это язык, на котором говорят и пишут хорваты [...], мы, как хорваты, называем свой язык хорватским и хотим этого от других. Если сербы хотят называть свой язык сербским, сербско-хорватским или югославским — это их дело. Нас это не касается. Мы идем и стремимся идти своим путем» [39. S. 9].

Доказывая, что хорватский и сербский являются разными языками, Адольф Клаич апеллировал к авторитету Анте Старчевича [40], а Блаж Юришич указал на то, что в прошлом сербы были вынуждены переводить книги хорватских авторов на сербский язык [41. S. 9–10]. Поэтому элиты НГХ не только

¹⁰ Все эти факторы, достаточного детально и подробно описанные и изученные в историографии [1] в различной степени, вероятно, влияли на политику как в отношении хорватского языка, так и его функционирование в обществе, хотя прямые взаимовлияния проследить крайне сложно, что свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения проблем истории НГХ, но в междисциплинарной перспективе — в контекстах культурной и интеллектуальной истории таких социальных явлений как приятие/неприятие, покорность/протест, лояльность/оппозиционность как на протяжении существования НГХ, так и эволюции представлений о нем в хорватской исторической памяти [2].

ограничивались периодическими публикациями статей о различиях между хорватским и сербским языками в официальных изданиях, но и систематизировали этот материал в виде нескольких книг, изданных под эгидой Министерства обороны [42]. Другой филолог, Круно Крстич [43], также активно продвигал идею самостоятельно хорватского языка, проводя прямые параллели между хорватским языком и существованием хорватской государственности, настаивая на том, что создание НГХ стало важным этапом в борьбе за права хорватского языка, так как именно там он официально был признан как государственный, а само государство уделяло значительное внимание языковому регулированию [44].

Петар Губерина¹¹ также солидаризировался с тем, что именно хорватский язык был одним из столпов хорватской государственной и политической традиции, противопоставляя его сербскому, определяемому им как ответвление «боснийско-герцеговинского штокавского наречия» [45. S. 9; 46. S. 9]. Круно Крстич¹² также стремился актуализировать исторические различия в развитии хорватского и сербского языков, настаивая, что хорваты использовали живой народный разговорный язык в то время, как сербы следовали за отжившими языковыми нормами православной средневековой литературы на церковно-славянском языке [47. S. 7]. Хорватские филологи также указывали на то, что хорватский является более древним языком в сравнении с сербским [48]. Кроме этого, они стремились отказаться от принципа «*Piši, kako govoriš*», который ассоциировался с сербским влиянием, в пользу другого, откровенно политического лозунга — «*Jednom narodu jedan jezik*» [49. S. 7].

Реализации этих идей подчинялись и другие действия хорватских интеллектуалов, включая работу как по внедрению принципов пуризма, так и по созданию и изданию нового хорватского словаря [50. S. 2]. В этой ситуации примечательна и та роль, которую в проведении политики пуризма в отношении хорватского языка играли политические элиты. С одной стороны, известные источники не зафиксировали отношение лидеров усташей к развитию языка, хотя большинство из них были сторонниками национализма. С другой, официальные издания Хорватии в первой половине 1940-х годов регулярно издавали статьи, призванные актуализировать точку зрения усташеских лидеров, хотя подобные тексты нередко были связаны с политической и идеологической конъюнктурой, будучи сфабрикованными. Например, уже 26 июля 1941 г. «*Hrvatski list*» опубликовал статью за подписью поглавника¹³ НГХ Анте Павелича [51], в которой он, обращаясь к хорватским журналистам, не только

¹¹ Петар Губерина (Petar Guberina, 1913–2005) — хорватский лингвист. В период существования НГХ активно выступал в периодической печати со статьями, разъясняющими и популяризирующими языковые нововведения. Академик Хорватской академии науки и искусств. Исследователь хорватской фонетики.

¹² Круно Крстич (Kruno Krstić, 1905–1987) — хорватский лингвист, доктор философии (1937). В период существования НДХ, как и Губерина, выступал со статьями, популяризирующими языковые нововведения. С 1951 по 1975 — сотрудник Института лексикографии. Активный сторонник независимого статуса хорватского языка.

¹³ Термин «поглавник», с одной стороны, в данном контексте представляет собой кальку с хорватского, что позволяет мне актуализировать роль, которую в НГХ играл этнический национализм и склонность элит к хорватизации общества. С другой стороны, я признаю, что в отечественной историографии утвердилась традиция использования «переводных» терминов, описывающих институт авторитарного вождества — «фюрер» или «дуче», хотя последние фактически являются кальками соответственно с немецкого и итальянского языков. Термин «поглавник» наряду с другими дефинициями («вождь»/«фюрер») используется некоторыми российскими историками [1], а также англоязычной историографией, что можно воспринимать, с одной стороны, как попытку более четкой передачи лингвистических реалий НГХ, а, с другой, как отсутствие компромисса в рамках академического сообщества относительно используемых им терминов.

раскритиковал языковую политику Югославии, определив ее как принудительную сербизацию, но и призвал к работе по очищению хорватского языка от иностранных, преимущественно — сербских, заимствований. Подобные публикации имели место на протяжении всего периода существования НГХ [52–54], что стало попыткой сформировать позитивный образ Анте Павелича не только как поглавника, политического лидера, но и борца за возрождение хорватского языка.

Круно Крстич был среди хорватских филологов, активно культивировавших антисербский дискурс, подчеркивая, что вся политика югославских элит была направлена на сербизацию и преследование хорватов. Он, в частности, указал, что в целях сербизации использовались «школа, правительство, газеты, официальные издания, фильмы, радио», а «само имя хорватское было запрещено» [55. S. 5]. Поэтому, значительное число мер правительства НГХ в сфере языковой политики было направлено на десербизацию хорватского языка, что преподносилось как очищение языка и возвращение к корням под эгидой пуризма. «Nova Hrvatska» летом 1941 г. предприняла ряд мер, направленных на популяризацию и продвижение языковых новаций, предложенных А. Павеличем, опубликовав, например, пространные перечни слов, которые следовало заменить новыми, основанными на хорватских корнях. Например, вместо «antropološki», «autokracija», «celibat», «civilizacija», «diktatura», «doktrina», «ekonomija», «evolucija», «freazeologija», «individualnost», «kapitalistički», «konstitucija» и «suverenitet» предлагалось использовать соответственно «čovjekoslovni», «samovlađe», «neženstvo», «uljudba», «samovlast», «nauka», «gospodarstvo», «razvitak», «govor», «osobnost», «glavničarski», «ustav» и «vrhovništvo» [56. S. 4].

В целом, инициативу А. Павелича, направленную на внедрение принципов пуризма, отказ от использования заимствованных слов [57. S. 10–11] и «очищение хорватского литературного языка», поддерживали и профессиональные филологи, которые не только предложили неологизмы типа «vodopis», «zemljioslovlje», «probitak», «pitomište», «ustroj», «preinaka», «samovlast», «krugoval», «živoznanstvo» вместо соответственно «hidrografija», «geologija», «interes», «internat», «organ», «reforma», «diktatura», «radio», «zoologija» [58. S. 6], но подчеркнули различное отношение в хорватском и сербском языкам к преимущественно латинским (и шире — к романским) заимствованиям. Например, Фрэнко Ципра предложил отказаться от слов «akontacija», «akreditiv», «cifra», «defile», «depeša», «direktor», «fabrika», «firma», «juvelir», «komanda» и «portfelj» в пользу соответственно «predujam», «vjerodajnice», «brojka», «mimohod», «brzjavka», «ravnatelj», «tvornica», «tvrтка», «draguljar», «zapovjedništvo» и «lisnica» [59. S. 8], а другие филологи решительно настаивали на том, что именно такая лексика отражает «живой дух хорватских поколений» [60].

Несмотря на то, что официально в НГХ декларировались принципы пуризма, пропагандируя неологизмы типа «časnik», «dalekozot», «glazovir», «glazba», «kolodvor» [61. S. IV], хорватские филологи им вовсе не следовали, активно используя в текстах интернационализмы [62. S. 11], хотя периодические и размышляли о необходимости замены, например, слова «kultura» на более хорватское «uljudba» [63; 64. S. 5]. Пуристские практики в НГХ воспринимались как проявление оздоровления, очищения и возрождения хорватского языка [65–66]. Тексты, ставшие частью хорватской литературы, с одной стороны, предлагалось считать формой проявления идентичности, но, с другой, декларировалась необходимость унификации языка и преодоления как

региональных, так и социальных диалектов [67. С. 2–3], которые воспринимались как препятствие на пути консолидации хорватов как нации [68].

Подводя итоги, во внимание следует принять несколько факторов, которые определяли основные направления как развития языковой политики, так и хорватского языка в НГХ.

Во-первых, НГХ фактически стало первой формально независимой хорватской государственностью после продолжительного перерыва, что стимулировало рост хорватского как политического (гражданского), так и более радикального этнического национализма — поэтому именно национализм стал фактором, существенно повлиявшим на языковую политику в независимой Хорватии в первой половине 1940-х годов. Во-вторых, именно националистическими мотивами и соображениями руководствовались хорватские интеллектуалы, вовлеченные в выработку и проведение языковой политики. В-третьих, именно хорватский национализм, точнее — его радикальные направления, предопределили то значительное внимание, которое языковедами уделялось вопросам языкового пуризма — очищению хорватского языка от иноязычных заимствований, которые определялись преимущественно как сербизмы, и их последующей замене неологизмами, образованными от хорватских или общеславянских корней в целом. В-четвертых, попытки реализации принципов пуризма в значительной степени предопределили и облик хорватского политического языка, который доминировал в первой половине 1940-х годов как формы функционирования хорватского националистического дискурса и политического воображения. В-пятых, последствия языковой политики в отношении хорватского языка в 1940–1945 гг. были различны: если в СФРЮ лингвистические эксперименты националистов, направленные на внедрение неологизмов и очищения языка от сербизмов, были фактически отвергнуты и официально свернуты, то интеллектуалы хорватской эмиграции нередко продолжали руководствоваться принципами, предложенными в НГХ.

Кроме этого, национально ориентированные гуманитарии в СР Хорватии в СФРЮ периодически стремились реанимировать ценности хорватского национализма и пуризма, что, например, нашло отражение в событиях «хорватской весны»¹⁴. После восстановления независимости и государственности Хорватии в 1991 г. интеллектуалы и политики, несмотря на рост национализма и фактическую реабилитацию НГХ, а также попытки провозгласить континуитет между различными историческими формами хорватской государственности, не вернулись к лингвистическим экспериментам своих предшественников, хотя хорватский язык в большей степени, в сравнении с СФРЮ, актуализировал свои политические функции и связь с хорватским национализмом.

Таким образом, период существования НГХ, несмотря на его непродолжительность, стал важным этапом в истории развития хорватского языка. Лингвистические эксперименты хорватских интеллектуалов в первой половине 1940-х годов пытались продолжить хорватские националисты второй

¹⁴ Проблема наследия языковой политики первой половины 1940-х годов, в частности, и самого НГХ, в целом, принадлежит к числу как дискуссионных, так и малоизученных тем в отечественной историографии. Суммируя особенности историографической ситуации, вероятно, следует констатировать необходимость дальнейшего изучения истории хорватского языка. Основные направления подобных междисциплинарных штудий могут стать следующими: 1) изучение интеграции интеллектуалов НГХ в академические структуры СФРЮ; 2) анализ преемственности и дискретности в истории хорватского академического лингвистического сообщества; 3) изучение роли интеллектуалов НГХ и/или их учеников в истории «хорватской весны».

половины XIX — начала XX в., но поддерживаемая властями решительность внедрения языковых нововведений, общий радикализм политических элит, склонность к идеям этнического национализма в его наиболее последовательных формах, предусматривавших применение насилия в отношении этнических меньшинств, устойчивая связь языковых новаций с политическим недемократическим режимом, который был союзником Германии и Италии во Второй мировой войне — все эти факторы маргинализировали языковые эксперименты, что, тем не менее, придает актуальность изучению проявлений языкового национализма в хорватской истории как в предшествующую НГХ эпоху, так и в последующие периоды развития хорватской государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Беляков С.* Усташи: между фашизмом и этническим национализмом. Екатеринбург, 2009.
2. *Кирчанов М.В.* Исторический ревизионизм в Болгарии и Хорватии: проблемы истории национализма и политическая ответственность интеллектуалов // Проблемы стран постсоветского пространства, стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Воронеж, 2019.
3. *Samardžija M.* Hrvatski jezik u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 1993.
4. *Samardžija M.* Hrvatski jezik, pravopis i jezična politika u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 2008.
5. *Hobsbawm E.* Interesantna vremena. Podgorica, 2005.
6. *Hobsbawm E.* Doba ekstrema. Zagreb, 2009.
7. *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999.
8. *Dvorniković L.* Uzgojna ideja u kulturnoj povijesti čovječanstva. Zagreb, 1911.
9. *Mužić I.* Hrvatska politika i jugoslavenska ideja. Zagreb, 1969. 319 s.
10. *Kapetanović A.* Položaj i razvoj hrvatskoga jezika od 1918. do 1945. godine // Studi Slavistici. 2018. Vol. XV. No 2.
11. *Veber Tkalčević A.* Književna obznana // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Beograd, 1968. Kn. IV–VI.
12. *Gostl I.* Bogoslav Šulek: otac hrvatskoga znanstvenoga nazivlja: o stotoj obljetnici smrti (1895–1995). Zagreb, 1995.
13. *Babukić V.* Osnova slovnice slavjanske narječja ilirskoga (1836). Zagreb, 2012.
14. *Milušić A.* Historiografski triptih: Brlić — Mažuranić — Mesić. Osijek, 1998.
15. *Krstić K.* Jedno stoljeće jezika // Hrvatski narod. 1942. God IV. Br. 428. 17. svibnja.
16. *Bašić N.* Odjeci Guberina-Krstićevih Razlika u hrvatskome jeziku i jezikoslovlju // Jezik. 2000. Br. 5.
17. *Babić S.* O Guberininim pogledima na hrvatsko-srpske jezične razlike // Jezik. 1998. Br. 5.
18. *Guberina P., Krstić K.* Razlike između hrvatskoga i srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1940.
19. *Guberina P.* Hrvatski jezik, preavoopis i jezična politika u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj // Samardžija M. Hrvatski jezik, pravopis i jezična politika u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 2008.
20. Zakonska odredba o osnivanju Hrvatskoga državnog ureda za jezik // Narodne novine. 1941. 28. travnja.
21. Zakonska odredba o hrvatskom jeziku, o njegovoj čistoći i o pravopisu // Narodne novine. 1941. 14. kolovoza.
22. *Gruber F.* Zaštita hrvatskog jezika // Hrvatski list. 1941. God XXII. Broj 301 (7291). Zakonska odredba o zabrani ćirilice // Narodne novine. 1941. 25. travnja.
23. Zakonska odredba o širenju pismenosti u narodu i održavanju tečajeva za nepismene // Narodne novine. 1941. 13. rujna.
24. Odredba Poglavnika o čistoći hrvatskog jezika // Službeni glasnik Ministarstva nastave. 1941. God I. Broj 10. 1. studenoga.
25. Koriensko pisanje. Zagreb: Hrvatski državni ured za jezik, 1942.
26. *Klaić A.B.* Zašto korienski pravopis // Spremnost. 1942. God I. Broj 19. 5. srpnja.
27. Ministarska naredba o hrvatskom pravopisu // Narodne novine. 1941. 25. lipnja.
28. *Stojković M.* Hrvatski pravopis // Hrvatski narod. 1943. God V. Br. 619. 1. siječnja.
29. *Pavičić S.* Rječnik hrvatskog književnog jezika // Književni tjednik. 1941. God I. Br. 2. 22. prosinca.

30. *Raos I.* Rječnik hrvatskog književnog jezika // Hrvatski narod. 1942. God IV. Br. 323. 11. siječnja.
31. *Jedvaj J.* Nov rječnik hrvatskoga jezika // Vienac. 1944. God XXXVI. Br. 3.
32. *Cipra Fr.* Barbarizmi u hrvatskom jeziku nekad i danas // Alma mater croatica. 1941. Br. 2.
33. *Samardžija M.* Jezični purizam u NDH: Savjeti Hrvatskog državnog ureda za jezik. Zagreb, 1993.
34. *Bošnjak-Dragovački I.* Za ljepotu i čistoću hrvatskog jezika // Naraštaj slobode. 1942. God II. Br. 4 (11).
35. *Grgec P.* Jezik kao jezgra hrvatske samobitne kulture // Hrvatski narod. 1944, God VI. Br. 973. 1. ožujka.
36. *Šenda A.* Za čistoću jezika // Hrvatski narod. 1945. God VII. Br. 1265. 18. siječnja.
37. Za pravilnost i čistoću hrvatskog jezika. Zagreb, 1945.
38. *Jurišić B.* Književni jezik kod hrvata i kod srba // Spremnost. 1944. God III. Br. 111–112.
39. *Jurišić B.* O imenu hrvatskoga jezika // Za dom. 1941. Br. 1. 8. svibnja.
40. *Klaić A.B.* Starčević kao borac za hrvatski jezik // Spremnost. 1942. God I. Br. 8. 19. travnja.
41. *Jurišić B.* Pitanje hrvatske jezične posebnosti // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 114. 8. lipnja.
42. Razlike između hrvatskoga i srbskoga književnog jezika. Zagreb, 1942.
43. *Krstić K.* Hrvatski jezik // Novi list. 1941. God I. Broj 17. 15. svibnja. S. 13.
44. *Guberina P.* Razlike između hrvatskih i srpskih jezičnih oblika // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 95. 18. svibnja.
45. *Guberina P.* Stilske i stilističke razlike između hrvatskoga i srpskoga književnog jezika // Novi list. 1941. God I. Br. 21. 19. svibnja.
46. *Krstić K.* Narodni govor i književni jezik // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 175. 8. kolovoza.
47. *Jurišić B.* Hrvatski jezik ima 750-godišnju povijest // Nova Hrvatska. 1942. God II. Br. 214. 12. rujna.
48. *Krstić K.* Hrvatsko jezično zakonodavstvo // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 77. 30. travnja.
49. *Krstić K.* Pitanje hrvatskog rječnika // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 160. 7. srpnja.
50. *Pavelić A.* Poglavljenik traži čistoću hrvatskog jezika // Hrvatski list. 1941. God XXII. Br. 205 (7195). 26. srpnja.
51. Poglavljenik za čistoću hrvatskog jezika // Hrvatski list. 1944. God XXV. Br. 59 (8124). 10. ožujka.
52. Poglavljenik među hrvatskim novinarima // Hrvatski narod. 1944. God VI. Br. 977. 5. ožujka.
53. Hrvatski profesori kod Poglavljenika // Hrvatski list. 1944. God XXV. Br. 77 (8142). 31. ožujka.
54. *Krstić K.* Pitanje srbizama // Alma mater croatica. 1942. God V. Br. 8–9. Travanj – svibanj.
55. *Črljen D.* Hrvatski narodne riječi – mjesto tuđica (primjeri iz Poglavljenikove knjige «Strahote zablude») // Nova Hrvatska. 1941. God I. Br. 111. 18. kolovoza.
56. *Krstić K.* Zamjenjivanje tuđica // Hrvatski narod. 1943. God X. Br. 810. 16. kolovoza.
57. *Klaić A.* Nekadašnje i današnje jezične novotvorine // Hrvatski list. 1941. God XXII. Br. 264 (7254). 23. rujna.
58. *Cipra Fr.* Različit odnošaj hrvatskog i srpskog jezika prema tuđicama // Novi list. 1941. God I. Br. 133. 9. rujna.
59. *Krstić K.* Jezik i život // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 280. 22. studenog.
60. *Guberina P.* Poštujmo osnovna jezikoslovna načela // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 84. 7. svibnja.
61. *Guberina P.* Jezična prošlost i sadašnjost // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 107. 31. svibnja.
62. *Krstić K.* Hrvatske zamene za riječ «kultura» // Hrvatski narod. 1942. God IV. Br. 359. 22. veljače.
63. *Krstić K.* Povijesni put hrvatskoga književnog jezika // Hrvatska revija. 1942. God XV. Br. 8.
64. *Krstić K.* Čistoća i preporod jezika // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 99. 22. svibnja.
65. *Vukelić Z.* Ka lijčenju hrvatskog jezika // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 107. 30. svibnja.
66. *Krstić K.* Bogatstvo jezika // Hrvatski narod. God III. Br. 47. 11. srpnja.
67. *Guberina P.* Hrvatski pisci i filolozi // Obzor. 1941. God LXXXI. Br. 86. 11. travnja.